

На правах рукописи

АНДРЕЯНОВА ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА

**СУБЪЕКТНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МОДЕЛИ
В ИННОВАТИВНОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ**

Специальность: 5.9.1 – Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Иваново – 2024

Работа выполнена на кафедре отечественной филологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ивановский государственный университет»

Научный руководитель: **Горелов Олег Сергеевич**
доктор филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Официальные оппоненты: **Житенев Александр Анатольевич**
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры издательского дела ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Масалов Алексей Евгеньевич
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теоретической и исторической поэтики, ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

Защита диссертации состоится « 19 » декабря 2024 года на заседании диссертационного совета 24.2.366.06, созданного на базе ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», по адресу: 125047, г. Москва, Миусская площадь, д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского государственного гуманитарного университета по адресу: 125047, г. Москва, Миусская площадь, д. 6. и на сайте РГГУ.

Автореферат разослан « _____ » _____ 2024 года.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филол. наук, доцент

Ю. Г. Бит-Юнан

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Современная инновативная¹ русская поэзия отличается художественно-стилевым, композиционным, философско-прагматическим разнообразием. Поэтика некоторых авторов продолжает постконцептуалистскую линию поэзии, другие тяготеют к метареалистической традиции, часть поэтов создает тексты с опорой на современную философию и исследования в области медиа и информационных технологий, стремясь отойти от привычных форм лирического высказывания к усложненным вариантам совмещения художественного и научного дискурсов. Проблематика, объединяющая поэтов, относящихся к разным направлениям, – взаимодействие субъекта и пространства в поэтическом поле – видится нам актуальной и требующей серьезной проработки, так как эти ключевые для художественного текста категории в настоящее время переживают процесс серьезной трансформации, становясь главными ретрансляторами социально-политических, культурных и мировоззренческих изменений общества.

Актуальность диссертационного исследования обусловливается необходимостью систематизации и уточнения способов функционирования художественных категорий *субъект* и *пространство* в инновативной поэзии, в которой наблюдается их концептуальное переосмысление с культурно-философской точки зрения. Выделение субъектно-пространственных моделей позволяет определить наиболее значимые и актуальные формы реализации в лирическом тексте категорий *субъект* и *пространство* и установить, как в зависимости от функционирования в тексте того или иного типа субъектно-пространственных отношений, меняется его композиционно-стилистическая организация.

Степень разработанности проблемы. Долгое время художественные категории *субъект* и *пространство* изучались обособленно друг от друга. *Субъект* рассматривался как одна из составляющих понятия «автор» (В.В. Виноградов, Л.Я. Гинзбург, Г.А. Гуковский, Н.Л. Степанов, Б.О. Корман, Ю.И. Левин, Б.А. Успенский). Однако постепенно исследователи стали выделять *субъект* в отдельную литературоведческую категорию, не ставя знак равенства между реальным автором и его лирическим воплощением в тексте (в частности, М.М. Бахтин, С.Н. Бройтман). *Субъект* отделяется от авторского мировоззрения,

¹ Термин «инновативная» поэзия (литература) используется в закрепившемся в современном литературоведении и критике понимании (И.В. Кукулин, М.Н. Липовецкий, К.М. Корчагин, О.С. Горелов, И.М. Гулин, А.М. Уланов, А.Е. Масалов). Речь идет о той части литературного процесса 2000–2010-х гг., в рамках которой находятся авторы, ориентирующиеся на новые формы художественного высказывания и расширяющие концептуально-эстетическое поле существования текста, в частности включая в него элементы социально-политического, исторического и культурно-философского дискурсов.

а формы его конкретного выражения в произведении определяются в большей степени внутритекстовыми законами, нежели влиянием внешних факторов (Ф. Тун, Р. Якобсон, Е. Фарыно). Концептуальное переосмысление категории «субъект» и выделение ее в отдельную категорию происходит в работах постструктуралистов (М. Фуко, Р. Барт, Ю. Кристева, Дж. Агамбен, Ж. Рансьер, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж. Лакан и др.). Постмодернизм определяет субъекта не как данность, а как децентрированную, изменчивую структуру. Современное осмысление субъектного в литературе продолжается с учетом его постструктуралистского понимания, но вводится новая проблематика – существование субъекта в постмедиаальную эпоху, в которой на смену литературоцентризму приходит медиацентризм (Д. Кузьмин, В. Лехциер, В.А. Малова, Ж. Рансьер).

Изучение же категории пространство долгое время происходило в связке со временем (М.М. Бахтин, Б.А. Успенский, Д.С. Лихачев, Е.М. Мелетинский, В.Н. Топоров и др.). Парадигма мышления XX века постулировала переход от исторического осмысления реальности к топографическому. Пространство стало осмысляться еще и как активный участник социально-политических отношений, а не только как семантическое поле, на котором реализуются отношения между акторами (Б. Латур, Д. Харви, А. Лефевр, Ф. Джеймисон, Э. Соджа и др.).

Рассмотрение организации отношений между концептами начинается в семиотике. Так, Ю.М. Лотман описывает тот вариант отношений между субъектом и пространством, в котором пространство конструируется человеком по принципу миметического подобия и рассматривается как зависимая категория, которая совмещает в себе область идей и область материального выражения деятельности человека². Более подробно о связи пространства и субъекта В.Н. Топоров рассуждал в работе «Минус-пространство Сигизмунда Кржижановского»: человек знает-познает пространство, но и пространство знает-познает человека. <...> Эта “обоюдная” ситуация как бы “намагничивает” знание, которое, подобно магнитной стрелке, поворачивается то к одному, то к другому полюсу»³. Осмысление пространственности как части мышления субъекта постепенно трансформируется, пространство также начинает выступать как моделирующая категория, способная оказывать влияние на субъект (П. Бурдье, Ж. Деррида, М. де Серто, Д. Замятин, Б. Гройс и др.). В настоящее время связь между субъектом и пространством рассматривается с нескольких точек зрения. Так, в посткапиталистическую эпоху стирается граница

² Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996.

³ Топоров В.Н. Минус-пространство Сигизмунда Кржижановского // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 478.

между личным и общественным, тотальность потребления обуславливает кризис перепроизводства информационных объектов, обладающих симулятивным значением, что в свою очередь влияет на размытие самоощущения субъекта и побуждает его замещать образовавшиеся семантические пустоты коллективным нарративом, подчас выраженным через пространства. Иной точкой зрения на взаимоотношения субъекта и пространства является рассмотрение их как объектов «гуманистической географии»⁴. Пространство и субъект рассматриваются в тесной связи друг с другом; этническая, национальная, социальная принадлежность субъекта и его жизненный опыт определяют формы и функционирование пространств/мест, а их семантика напрямую связывается с субъективным осмыслением топологии. Особый интерес вызывает то взаимодействие субъекта и пространства, при котором второй концепт замещает первый и редуцирует субъектность как смыслообразующий центр. Пространственность становится способом мышления, наиболее органичным и естественным вариантом постижения действительности⁵.

Объект исследования: субъектно-пространственная парадигма инновативной поэзии XX и XXI веков.

Предмет исследования: художественная реализация субъектно-пространственных взаимодействий, формализованная в семантико-функциональных моделях.

Материалом исследования послужили сборники текстов Е. Суловой («Свод масштаба», «Животное»), К. Корчагина («Все вещи мира»), Г. Рымбу («Передвижное пространство переворота», «Жизнь в пространстве»), Н. Сафонова («Узлы», «Разворот полем симметрии»). Подобный выбор авторов обусловлен тем, что в их поэтике ярко выражен субъектно-пространственный модус и осмысление концептов происходит с разных точек зрения, что позволяет очертить некое поле возможных вариантов взаимодействия субъекта и пространства в инновативной поэзии. Также материалом для исследования стали избранные тексты Г. Айги, И. Бродского, М. Еремина и К. Унковой, поскольку эти авторы близки инновативным поэтам на генетическом, прагматическом, стилистическом или тематическом уровнях, что позволяет апробировать возможность экстраполирования субъектно-пространственных моделей на поэтики более ранних авторов, тем самым вычленив сходство или различие в подходах к осмыслению концептов и способах их интеракции.

⁴ Сойя Э. У. Как писать о городе с точки зрения пространства? // Логос. 2008. № 3. С. 130–140.

⁵ Сафонов Н. Пространство, которого нет, когда оно будет. К возможности динамического события языка. URL: <http://aroundart.org/2016/05/13/prostranstvo-kotorigo-net-kogda-ono-budet/> (дата обращения: 23.06.2023).

Цель диссертационного исследования состоит в формировании системного представления о субъектно-пространственных моделях в инновативной русской поэзии и их семантико-функциональных особенностях.

Структура исследования обусловливается последовательным решением следующих **задач**:

1) доказать, что субъектно-пространственные взаимодействия в поэтическом тексте могут быть формализованы как модели для оптимальной аналитики современной инновативной поэзии;

2) определить содержание, структуру и функционирование субъектно-пространственных моделей;

3) проанализировать взаимосвязь понятий субъектно-пространственный тип и субъектно-пространственная модель, сформировать их классификацию;

4) изучить и систематизировать модели, реализующиеся в текстах авторов, принадлежащих к субъектному типу;

5) изучить и систематизировать модели, реализующиеся в текстах авторов, принадлежащих к пространственному типу;

6) раскрыть потенциал и возможности использования субъектно-пространственного моделирования в инновативной поэзии.

Методология и методы исследования. При решении теоретической задачи обоснования концепта субъектно-пространственная модель применялись типологический, субъектно-структурный методы и метод моделирования. Анализ функционирования и реализации моделей основывался на комплексном методе, объединяющем феноменологический и структуралистский метод.

Источниками осмысления категорий субъект и пространство стали работы как отечественных (М.М. Бахтин, В.Н. Топоров, Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачев, Б.А. Успенский, Б.О. Корман, Л.Я. Гинзбург, Д.Н. Замятин), так и зарубежных ученых (М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Деррида, Р. Барт, Ж. Лакан, Ж. Рансьер, Т. Мортон, Э. Соджа).

Важной методологической базой в области поэзии XX–XXI вв. стали работы И.В. Кукулина, А.А. Житенева, Л.В. Зубовой, М.Б. Ямпольского, Н.А. Азаровой, К.М. Корчагина, Д.В. Кузьмина, Н.А. Фатеевой, Б. Гройса, О.В. Соколовой, Т.В. Кудряковой, К.Р. Кобрина, О.С. Горелова.

Теоретическая значимость работы состоит в разработке понятия субъектно-пространственная модель, выявлении принципов ее определения, способов функционирования. В работе были систематизированы различные типы организации отношений между субъектом и пространством, а также выделены группы моделей по разным основаниям, предложена схема субъектно-пространственной организации текста.

Практическая значимость исследования заключается в том, что предложенное и обоснованное понятие *субъектно-пространственная модель*

может быть использовано в качестве методологии композиционно-стилистического анализа. Введенное понятие может быть применено к текстам авторов разных художественных направлений. Материалы исследования могут найти практическое применение при подготовке вузовских курсов по теории литературы и истории русской литературы XX века.

Научная новизна. Предлагается комплексный взгляд на категории субъект и пространство в инновативной поэзии, учитывающий философско-прагматический аспект данных концептов. Категории субъекта и пространства рассматриваются в их концептуальном единстве в контексте перехода от «хронологического» к «топологическому» художественному мышлению и возросшего влияния на поэтический дискурс современных информационных сред. Благодаря анализу субъектно-пространственных отношений обозначены тенденции их возможного развития в современной русскоязычной инновативной поэзии.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В современной инновативной поэзии возрастает интерес к изучению взаимодействия категорий субъект и пространство. Авторы концептуально переосмысливают их семантику и функциональное наполнение, в результате чего данные элементы художественной системы рассматриваются поэтами как ключевые и выступают в качестве организующих при создании текста. Сложность для определения специфики субъектно-пространственных отношений определяется полисемантикой и усложнением функционирования категорий, повышенной категоризацией не только художественного, но и философско-прагматического мышления.

2. Анализ субъектно-пространственных отношений включает в себя выделение типов организации субъектно-пространственных отношений, групп субъектно-пространственных моделей и вариантов их конкретных реализаций в поэтическом тексте. Определяются основания, по которым происходит классификация субъектно-пространственных моделей в группах: количество семантически значимых элементов, специфика и характер отношений между категориями, формы взаимодействия субъекта и пространства.

3. В современной инновативной литературе фиксируется вариативность форм выражения субъекта и пространства. Так, в зависимости от семантики пространств, с которыми осуществляется взаимодействие, в тексте могут функционировать субъект-активист, субъект-свидетель, субъект-наблюдатель, субъект-оператор. Изоморфная структура пространства обусловлена влиянием на него метасубъекта, выраженного через фреймы – политические, социальные, культурные модусы.

4. В авторских поэтиках, опирающихся на субъектный тип (К. Корчагин, Г. Рымбу), отмечается перекрестное взаимодействие категорий субъект и

пространство, основанное на передаче друг другу функционально-семантических характеристик. Пространство субъективируется и выступает в качестве активного участника общественных отношений, в то время как субъект опространствляется и встраивается в ряд объектов и топосов. Подобные диффузные отношения обусловлены расщепленной структурой концептов, подвергшихся влиянию социально-политического, исторического и др. дискурсов.

5. В текстах Е. Суловой и Н. Сафонова отмечается превалирование категории пространства, организующей поэтический текст как область автоматизированных операций, существующих независимо от субъектных интенций. Подобный подход к пространству как новому типу мышления обуславливает включение в текст визуальных элементов, также определяемых авторами как поэтические.

6. Субъектно-пространственные модели, выявленные в инновативной поэзии, позволяют также проанализировать тексты авторов 1960–1980-х годов с новых точек зрения, обнаружить в их поэтике те закономерности организации художественной реальности, которые впоследствии будут проявлены в современной поэзии более очевидно. Одни модели субъектно-пространственного взаимодействия функционируют тем же образом, что и в инновативных текстах, но с незначительным упрощением семантики элементов и меньшим количеством операций между ними (И. Бродский, К. Унксова). Другие модели сохраняют характер взаимодействия между элементами, но структура отношений трансформируется, что влияет на изменение семантики субъекта и пространства, а также форм и способов их художественной реализации (Г. Айги, М. Еремин).

Апробация результатов. Отдельные положения и результаты проведенного исследования были отражены в докладах на заседаниях кафедры отечественной филологии ИвГУ и представлены в виде докладов на всероссийских и международных конференциях: международная конференция в рамках XIV Международной летней школы по русской литературе (Санкт-Петербург, 2017), 14-ая международная научная конференция «Сапгировские чтения 2017: Неподцензурная поэтика. 1950–80-е» (Москва, С.-Петербург, 2017. РГГУ. Институт истории и филологии. Учебно-научная лаборатория мандельштамоведения. Центр новейшей русской литературы. Высшая школа экономики. Санкт-Петербургский государственный университет. Музей авангарда. Трирский университет), IV Всероссийская конференция «Новейшая русская поэзия и современное гуманитарное знание: типологическая перспектива» (Национальный исследовательский нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, 2018), X юбилейная межвузовская студенческая научная конференция «Наблюдатель искаженных миров: поэтика и рецепция» (Москва, 2019), Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2019» (МГУ, 2019),

международная конференция «Современные поэтические практики» (Москва, 2020), Всероссийский (с международным участием) научный семинар «Феномен “последнего стихотворения”» (Елец: ЕГУ, 2022), XII Международная научно-практическая конференция «Исследовательская деятельность учащихся в современном образовательном пространстве» (Москва, 2022), фестиваль молодых ученых и студентов ИвГУ «Молодая наука в классическом университете» (Иваново, 2020 – 2024), конференция «Научно-практическая деятельность в классическом университете» (Иваново, 2022).

Проблематика и выводы диссертации **соответствуют паспорту специальности 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации**: п. 6 – «История русской постсоветской литературы XX–XXI века», п. 9 – «История русской литературной науки; деятельность отдельных выдающихся ученых-литературоведов, научных школ», п. 11 – «Творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и ее преломлений в художественном творчестве», п. 24 – «Взаимодействие русской и мировой литературы, древней и новой», п. 26 – «Взаимодействие литературы с другими видами искусства».

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, включающего 173 наименований. Общий объем работы – 209 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обозначается степень разработанности проблемы, раскрываются актуальность, научная новизна, формулируются цель и задачи исследования. Определяются объект и предмет исследования, характеризуются его теоретико-методологические основы. Излагаются основные положения, выносимые на защиту, и высказываются соображения о теоретическом и практическом значении результатов исследования.

В **главе 1. «Субъектно-пространственные модели: принципы выявления и типология»** закладывается теоретико-методологическая база исследования, определяется его понятийно-терминологический аппарат.

В разделе **1.1. «Типология субъектно-пространственных отношений. Содержание понятия “субъектно-пространственная модель”»** вводится понятие «субъектно-пространственная модель» – условный образ объектов (в нашем случае концептов «субъект» и «пространство»), служащий для определения отношений между ними и специфики их функционирования в авторской поэтике. В разделе рассматривается разграничение понятий «субъектно-пространственный тип» и «субъектно-пространственная модель». Тип субъектно-пространственных отношений – это понятие более широкое, определяющее субъектно-пространственную организацию отношений между

категориями, в то время как модель – это конкретная реализация типа, учитывающая функциональную семантику субъекта и пространства, особенности их корреляции, более тесно связанная с планом выражения. Тип может включать несколько моделей или вариантов одной модели, не меняющих его основное значение.

Выделяются три типа отношений. В первом, *субъектном* типе отмечается преобладание субъекта, он продуцирует структурные и образные трансформации текста, моделирует художественную топологию. Пространства, в свою очередь, принимают на себя субъектные функции, антропоморфируются и расширяя субъектную семантику. Подобный вариант отношений можно увидеть у Г. Рымбу: «сентябрь. Кровеносные системы школы / в роще березовой исправительной колонии. / в кабинете биологии заформалиненные тельца крыс, / мышка мертвая сорванного государства»⁶. При «субъектном» варианте отношений важным фактором будет выступать корреляция между категориями, изменение типа субъекта влечет за собой транспонирование пространства. Возможен также случай, при котором субъектная разобщенность вызвана внешними факторами, в том числе влиянием на лирического субъекта текста «метасубъекта» – «коллективного» субъекта, осуществившего разрушения и разрывы. Подобный вариант взаимодействия можно отметить у К. Корчагина: «дети объединенной европы дремлют / посреди холодного лета пока шпиди / сверкают среди скомканных темных / равнин обнимают друг друга / у монументов павших»⁷.

Во втором типе пространство *эквивалентно* субъекту и функционирует параллельно с ним, выступая в качестве «отражателя» субъектности, но не перенимая его функциональные особенности. В инновативной поэзии подобный вариант практически не встречается. В изученных нами текстах эквивалентный тип отношений реализуется лишь в текстах Н. Сафонова, но говорить о полной эквивалентности художественных категорий мы не можем, так как их семантико-функциональное наполнение значительно усложнено. Редкость реализации в инновативной поэзии типа отношений, в которых субъект и пространство равноправно взаимодействуют, обусловлена тем, что в новейшей литературе больше нет четких границ, отделяющих лирическое Я от мира. Эквивалентный тип отношений встречается чаще в романтической или постромантической поэзии, для которой свойственна либо целостность субъекта, либо интенция обретения этой целостности путем взаимодействия с миром.

Третьим типом следует определить тот, в котором присутствует *преобладание пространства над субъектом*. Пространство выступает как среда, способ организации поэтического мышления, распространяющаяся на все уровни

⁶ Рымбу Г. Передвижное пространство переворота: Первая книга стихов. М.: Книжное обозрение, 2014. С. 18.

⁷ Корчагин К. Все вещи мира. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 28.

текста, начиная от образной системы и заканчивая графическим расположением текста на листе. Отдельным вопросом при «топологическом» типе отношений встает актуальность использования существующих языковых реалий для передачи трехмерности пространства. Язык становится областью перемещений, в которой объекты путем столкновения / умножения / развертывания конструируются через корреляцию когнитивных и чувственных координат. Недостаточность языковых средств побуждает современных авторов прибегать к использованию математического языка формул, как в случае Сафонова, или к моделированию схем текстового устройства, как поступает, например, Е. Сулова в книге «Животное», дающая графический образ текста, иллюстрирующий его пространственную организацию.

В разделе 1.2. «**Принципы выявления субъектно-пространственных моделей**» рассматриваются *субъектный* (акторный), *пространственный* и *субъектно-пространственный* принципы.

Субъектный (акторный) принцип базируется на определении семантики и функционирования субъекта: является он активным (деятельным) или пассивным (наблюдающим); целостным или дисперсным, что выступает в качестве факторов, определяющих фрагментированную структуру. Уделяется особое внимание разграничению функционально-семантических характеристик субъекта в зависимости от его «положения» в тексте. Так, например, субъект современной политической поэзии практически всегда активен, вступает в диалог с социальными и политическими институтами, сама его сущность направлена на то, чтобы стать центром действия. Однако активность чаще всего не ведет к самоопределению, а является неизбежностью, благодаря которой можно получить эмпирический опыт, схожий с обретением ясности собственных границ. Пассивная же роль субъекта не означает его отсутствие или подавленность. Субъект-наблюдатель не статичен, чаще всего он также склонен к перемещениям, даже подчас больше, чем субъект-деятель, поскольку второй тип чаще склонен задерживаться в каком-либо определенном локусе, пытаясь деконструировать и реанимировать его.

При определении субъектной специфики текста стоит учитывать не столько его формально-семантическую выраженность, сколько влияние модусов, определяющих расщепления субъекта. Для удобства эти модусы можно обозначить как фреймы. *Фрейм* в нашем понимании – это устойчивое семантическое целое, обладающее метасубъектными свойствами (носитель субъективного как константы), состоящее из *образов-посредников*, влияющее на изменение структуры субъекта или пространства. Под фреймами мы будем понимать политику, историю, культуру, общество – сложившиеся устойчивые категории, влияющие на формирование прагматики текста. В качестве посредников мы будем рассматривать такие концепты как город, книга/текст, катастрофа, революция, тело, дом и др. и образы – кадр или фотография, окно,

улица и др. Концепт тела наиболее сложен в функционировании, так как пограничное существование его как медиума между субъектом текста и фреймом, диктующим семантику физиологическому, часто затрудняет определение границ коммуникации.

Пространственный принцип – это определение семантики и функционирования пространства. Реализуется оно в тексте как гомогенное или гетерогенное, динамическое или статичное, открытое (взаимодействующее с субъектом) или замкнутое (не вступающее в контакт и функционирующее самостоятельно), имеет ли оно дополнительные способы выражения: организация пространства текста на листе, включение схем, графиков, изображений. Важным фактором при анализе пространственных объектов будет являться открытость/замкнутость локусов. В большинстве своем субъект имеет дело с открытыми пространствами, но не в плане географической расположенности, а в плане характера структуры топосов. Так, например, одной из основных тем новейшей поэзии является осмысление культуры и истории как череды кризисов, и важным для осмысления топографических объектов является их мемориальное наполнение. Через каталогизацию и «переназывание» оставшихся в архитектуре и ландшафте примет ушедшего субъект пытается заместить себя настоящего и найти способы функционирования в будущем: «парадоксальным образом, чем больше “памяти” становится вокруг, тем меньше обнаруживается связей с живым опытом минувшего»⁸. Пространство же выступает в качестве области руинных значений, которые лирический субъект пытается реанимировать, оживить, преобразовать с целью обретения в этой полифонии своего места, пропавшего в череде мировых трагедий.

Еще одной немаловажной характеристикой пространственности новейшей поэзии является сдвиг от коллекционирования и пересобирания объектов в сторону интереса к вариативности операций между ними. Авторов интересует функционал пространственных преобразований, поэзия становится геометрическим алгоритмом, возникающим в потоке парцелляций, наложений, устраниний объектов. Такое пространственное мышление можно заметить, например, у Н. Сафонова, чья поэтика как раз ориентирована на геофилософское моделирование реальности.

Субъектно-пространственный принцип заключается в выявлении характера взаимодействия между субъектом и пространством. Происходит оно напрямую или через посредников (история, культура, политика, экология), каков его характер: сотрудничество, поглощение, конструирование; сконцентрированное оно или контрапунктное, мотивированное или хаотичное, конечное или постоянно продуцируемое. Для выделения субъектно-

⁸ Ямпольский М. Парк культуры: Культура и насилие в Москве сегодня. М.: Новое издательство, 2018. С. 150.

пространственной модели необходимо учитывать даже самые минимальные отличия в семантике и функционировании изучаемых концептов (субъект и пространство). Так, например, разомкнутая структура субъекта не всегда будет обозначать его пассивную роль при взаимодействии с пространством, также как и целостность топологических объектов не всегда означает их свободу и независимость. Следовательно, чем большим набором характеристик будут отличаться категории, тем больше способов взаимодействия у них можно обнаружить, что в свою очередь позволит увидеть более широкий диапазон отношений.

В разделе **1.3. «Классификация субъектно-пространственных моделей современной инновативной поэзии: варианты и функциональные характеристики»** предлагается классификация субъектно-пространственных моделей по различным основаниям. Основанием первой классификации является *количество элементов модели*. Можно выделить две разновидности: *бинарные модели*, в которых взаимодействие основано на специфике двух концептов и не включает дополнительные операторы, влияющие на модификацию одного из элементов, и *тернарные*, в которых присутствует важный функционально-семантический компонент, обуславливающий специфику субъекта или пространства, а иногда и обеих категорий.

Так, бинарными можно назвать модели, выявленные у К. Корчагина и одну из моделей, выделенных у Н. Сафонова. Символически их обозначим следующим образом: $C(П) - (П)C$ и $C - П - C'$ (модели, реализующиеся в текстах К. Корчагина) и $Cп - Пс$ (один из вариантов моделей, функционирующий в текстах книги «Разворот полем симметрии» Н. Сафонова). Расшифруем условные обозначения. (П) – пространство, носящее в себе «отпечаток» субъективного, имеющее диффузную разомкнутую структуру, которое может инкорпорировать пространственность субъекту и принимать его функциональные особенности; C' – метасубъект/влияние предшествующего исторического или культурного модуса, с которым лирическое «Я» взаимодействует опосредованного и ищет способы диалога. Элементы, функционирующие у Н. Сафонова: $Cп$ – субъект-зритель, фиксирующий пространственные изменения, не выражающий при этом «Я» как формально-семантическую целостность, он документирует пространственность в себе, но не является зачинателем пространственных преобразований, им фиксируется пространственность как таковая: перемещения, развертывания, границы, поля – функциональные приметы превалирования геометрии, которая реализуется через «чистые» объекты, лишённые аффективного наполнения. $Пс$ обладает усложнённой семантикой, поскольку несмотря на то, что у пространства остается индекс субъектности, это не означает, что оно начинает функционировать схожим с субъектом образом. Наоборот, пространство обособляется от субъекта, редуцирует его, но сохраняет в себе идею возможности соположения субъектного

и пространственного, субъектное остается как след предшествующего действия, как остаточный мотив: «упражнение в остановке: двигательный коллапс, когда / он, проходя по улице, замечает другое, несоответствующее / действительности движение, выходящее за пределы здания, / неопределенного цвета: красный? совсем нет?»⁹.

Тернарных моделей удалось выделить больше: они представлены в поэзии Г. Рымбу, Е. Сусловой, Н. Сафонова. Для авторов, использующих тернарные модели, не столь важным становится значение субъекта и пространства, сколько формы, которые они принимают или смогли бы принимать, поэтому они раскладывают концепты на самостоятельные и порой обособленные друг от друга составляющие, конструируют связи, которые подчас не реальны, но предполагаемы. Так, например, модель, встречающаяся у Е. Сусловой в книге «Животное»: $\text{Пм} \rightarrow (\text{с}) \Phi$ – основана на том, что пространство мыслящее (Пм) продуцирует новые фигуры значений (Φ) – абстрактные элементы реальности, при этом создание этих фигур происходит под опосредованным влиянием субъективного ($\rightarrow(\text{с})$), так как инициатором является все-таки область ментального, но оно претерпело огромное количество преобразований и модификаций и может быть обнаружено и зафиксировано (формальным образом и в модели) только как одна из характеристик пространства, вобравшего и изменившего изначальные субъектные функции.

Отталкиваясь от *специфики отношений* между элементами модели, можно выделить модели *симбиотические и генеративные*. В симбиотических моделях элементы кооперируются друг с другом, в генеративных один из концептов выступает в качестве определяющего элемента, моделирующего / преобразующего другой. К симбиотическим можно отнести модели, встречающиеся у К. Корчагина, Г. Рымбу, Н. Сафонова. Характер этих моделей обусловлен тесным взаимодействием концептов друг с другом, элементы носят изоморфный или атрибутивный характер, обусловленный рядом факторов. Так, дефрагментация элементов у Корчагина обусловлена влиянием метасубъектного фрейма: «в сумерках сочатся пещеры свечением о звучи / пиита побережья вымирающей сталью норда / сотрапезник пены и туч отсеченный рассветом / от широты долготы освобожденный»¹⁰. Г. Рымбу, напротив, ищет в пространствах отражение ярости протеста и стремится объединиться с пространством, чтобы снять ограничения, наложенные социально-политическим нарративом: «бьются о ворота ночи комнаты-клетки и газовые плиты рвутся наружу; / ледяной памятью в антресолях стучат ящики с инструментами, / пустыми бутылками, рвутся наружу / пустые детские коляски»¹¹. Еще один вариант встречается в сборнике «Узлы» Никиты Сафонова: $\text{С/П} - (\text{УП})$. В этой модели субъект

⁹ Сафонов Н. Разворот полем симметрии. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 25.

¹⁰ Корчагин К. Все вещи мира. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 77.

¹¹ Рымбу Г. Жизнь в пространстве. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 92.

интерпретируется как пространственная вариация (С/П), способ пространства переходить из абстрактной области идей в область материальных объектов. В результате взаимодействия субъекта-пространства и пространства-концепта создается узел (УП) – субъектно-пространственное единство, представляющее собой трансформированную область ментального, выраженного через совокупность динамических пространств или статичных образов, обретших пространственную семантику. Данную модель также можно определить как симбиотическую, но только симбиоз будет осуществляться не на уровне отношений, а на уровне всего текста, поскольку текст также становится узлом – пространственным отражением возможных интерпретаций: «Без ясных оборотов языка: ось, снимающая ось – камера 2, прямой свет, / искажения зрачка, смотрящего на внутренности объекта. Вид прост: тревога, / замещающая постоянство, разделяет всю цепь согласий на изъяты острова / (без признаков существования, без единого камня у края глаз). Камера 2, / соединяющая прямое и обратное изображения – испуг, производящий переход / (от дороги к полосам)»¹².

К генеративным моделям можно отнести типы, встречающиеся у Е. Суловой и Н. Сафонова. В генеративных моделях один из концептов является преобладающим, именно он инспирирует трансформации, выступает в качестве отправной точки взаимодействия и влияет на характер другого элемента, в частности продуцирует его расщепление, переходность. Например, в сборнике Е. Суловой «Свод масштаба» отмечаем модель **Со – Сп – Пм**. Субъект ощущающий (чувствующий) распадается на части, сохраняя физиологические функции, но наделяется пространственной коннотацией и приобретает пространственные свойства, чтобы в итоге трансформироваться в пространство мыслящее (Пм): «В спешке памяти накал различений – / перечень уморождений. / Переводы смысла хваткой внутренней перспективы / недоразвитых безъязыких чтений»¹³. В модели, выявленной у Н. Сафонова, также можно отметить влияние пространства на субъект: **П /Ос – Па**. Пространство распределяется по объектам, включающим в себя субъективное, чтобы таким образом представить картину абсолютного доминирования пространства, возвести его до высшей степени, когда пространственность становится новым способом мышления.

Модели можно подразделить по *формам взаимодействия* – на *мультипликативные и редуccionные*. Мультипликативные модели основаны на том, что в процессе взаимодействия ни один из континуумных элементов (субъект и пространство) не утрачивает своего значения, а модифицируется, приобретая дополнительную семантику или переходя в новое состояние

¹² Сафонов Н. Узлы. СПб.: Транслит, 2011. С. 11.

¹³ Сулова Е. Свод масштаба. СПб.: Транслит, 2013. С. 21.

субъектно-пространственного единства. Редукционные модели, наоборот, в процессе взаимодействия сводят функциональное выражение одного из элементов к минимуму, постепенно нейтрализуя его и трансформируя в более абстрактную форму, далекую от первоначальной. Редукционные модели достаточно редки, однако они встречаются у Е. Сусловой и Н. Сафонова, в связи с тем, что их художественная практика рассматривает язык как семантическое поле, которое может создавать и трансформировать материально не выраженные объекты и воспринимается как продуцирующая область значений, обособленная от субъекта.

В главе 2. «Варианты и способы реализации субъектно-пространственных моделей субъектного типа» рассматривается субъектно-пространственная организация текстов авторов, чья поэтика сосредоточена на переосмыслении и усложнении функционально-семантического наполнения концепта «субъект».

В разделе 2.1. «Формы функционирования метасубъекта в “рунированном” пространстве в книге стихов К. Корчагина “Все вещи мира”»

особое внимание уделено рассмотрению концепта «история», который понимается Корчагиным как совокупность метасубъектного опыта. Отпечаток субъективного проявляется в наделении ландшафта антропоморфными характеристиками: «где больше не встретить его – ни отпечатка / дыхания в густеющем воздухе ни гула / перелившегося через площадь захватившего / виноградники и сады (лишь в трубах шумят)¹⁴.

Травма интересует Корчагина как разлом, через который образуются трещины для последующего взаимодействия. Место разлома – это не только болезненная примета катастрофы, но и портал, сквозь который пространство и субъект могут проникнуть друг в друга: «пена омывает камни прокопченные стены мерзнут каштаны и на влажной земле в промежутках камней эта / внутренняя вода внутренний свет расщепленных / границ выплескивающийся на свободу там нет / никого надзиратели спят поднимаются волны / трав и становятся выше окруженные солнцем цветы»¹⁵.

Память же у Корчагина становится местностью, на которой равноправно сосуществуют топосы, чьи свойства совпадают с заданной субъектом системой координат. Память позволяет субъекту путем соположения и внедрения в аффективное пространство различных топосов выстроить поле контекстов и смыслов, в которых пространственные объекты служат медиаторами эмпирического опыта: «эти фразы меня беспокоят когда я иду / по москве – в тонкой пленке бульваров / поворачиваются фонари, я смотрю на тех / кто рядом

¹⁴ Корчагин К. Все вещи мира. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 30.

¹⁵ Там же. С. 44.

идет и меня беспокоит огонь / их фаллических ног, их настоящая жизнь / сцепление их голосов»¹⁶.

Для Корчагина одной из важнейших тем творчества являются отношения человека и истории, но истории не во временном смысле, а в топографическом. Время осознается субъектом как набор утраченных пространств, а ход истории воспринимается как смена топосов и ландшафтов. Субъект, таким образом, взаимодействует не со временем, а с совокупностью различных пространственных объектов, которые из разрозненных частей составляют культурно-историческое поле контекстов, принявших форму реальных мест: «бежишь мокрый от страха и дождя и пирамиды каштанов / разрываются над тобой над туманным франфуртом / оглушенным воздушной войной и сквозь сирены / и отдаленные крики движется он разрезающий / влажную ночь – твой последний двадцатый век»¹⁷.

Таким образом, на протяжении всего сборника можно отметить два варианта взаимодействия концептов. Один из них представлен моделью С(П) – (П)С. Она базируется на перекрестном влиянии субъекта и пространства, в котором субъект, обладая дефрагментированной внешней структурой, погружаясь/входя в пространство, приобретает его функции. Также в текстах находит свое проявление модель, в которой взаимодействие субъекта и пространства носят не симбиотический, а хонтологический характер. Лирический субъект путем тесного или дистанцированного, проникающего/насильственного или исследовательского/топографического взаимодействия с пространственными объектами вступает в контакт с призраками предшествующей субъективности, проявляемой через пространственные корреляты. Данную модель можно обозначить как С – П – С`.

В разделе **2.2. «Субъективация пространства как способ конструирования лирического “Я” в поэме И. Бродского “Зофья”»** анализируется поэма И. Бродского 1960-х годов и сравнивается ее субъектно-пространственное устройство с вариантом, выделенным у К. Корчагина.

Пространство и субъект в поэме «Зофья» схожи по своей структуре, однако если субъект экстраполирует на пространство собственные функции и семантику, то оно «пространственность» субъекту не передает. Диффузные отношения носят односторонний характер, в котором ключевым способом взаимодействия является субъективация пространства.

Изначально субъект и обстоятельства в поэме находятся в антонимических отношениях. Субъект остается неподвижным, а вот окружающая его реальность меняется, взаимодействуя с субъектом не только посредством зрения, но и через звук, который противопоставляется тишине, присущей комнате: «Трамвай

¹⁶ Там же. С. 64.

¹⁷ Там же. С. 65.

дребезжали в темноту, / вагоны громыхали на мосту, / постукивали льдины о быки, / шуршанье доносилось от реки, / на перекрестке пьяница возник, / еще плотней я к форточке приник»¹⁸.

Но если сначала кажется, что субъект остается безучастным по отношению к городу, то в итоге пространство «по другую сторону» активно начинает воздействовать на субъекта и пересекает отделяющую его границу: «Деревья в нашей комнате росли! / ветвями доставая до земли / и также доставая потолка, / вытряхивая пыль из уголка, / но корни их в глазах у нас вились, / вершины в центре комнаты сплелись»¹⁹.

Через смену различных типов пространств происходит конструирование эмоционального состояния субъекта, он ощущает отсутствие целостности, но стремится к равновесию. Субъект находится в состоянии постоянной борьбы с абсолютом, выраженным через движение/время, и статикой/пространством, частью которого он является. Взаимопроникновение и гармонизация пространства и времени происходит только в онтологическом пространстве субъекта: «кто знает, как раскачивать тоску, / чтоб от прикосновения к виску / раскачивалась штора на окне, / раскачивались тени на стене, / чтоб выхваченный лампочками куст / раскачивался маятником чувств...»²⁰.

Субъектно-пространственную модель, реализующуюся в тексте «Зофья», можно представить следующим образом: П(С) – С(П). В начале поэмы субъект (С) подвергается агрессивному влиянию пространства – П, которое, ощущая уязвимость субъекта, пытается разрушить границы между пространственным и временным (субъектным). Потому в первой главе заметно преобладание пространства, которое через насилие словно бы «активирует» субъекта, выводит его из статичного состояния и встраивает в цикл перемещений-повторений. Однако во второй главе происходит инверсия, уже субъект – С начинает влиять на пространство (П), он впускает его в себя и реконструирует через пространственные объекты собственные ощущения, стремясь освободиться от давления и обрести целостность.

В разделе **2.3. «Влияние социально-политического дискурса на субъектно-пространственную организацию поэтики Г. Рымбу»** рассматривается субъектно-пространственная организация сборников «Передвижное пространство переворота» и «Жизнь в пространстве». В текстах первого сборника политическое как конструкт, распадающееся на части, воспринимается субъектом как диффузный объект, в лакуны которого субъект может проникать, тем самым расшатывая неустойчивую конструкцию и словно

¹⁸ Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: В 7 т. СПб.: Пушкинский фонд, 1997–2001. Т. 1. С. 149.

¹⁹ Там же. С. 154.

²⁰ Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: В 7 т. СПб.: Пушкинский фонд, 1997–2001. Т. 1. С. 154.

бы взрывая ее изнутри: «в холодные зимы мы собирались сами / звонили из хижины отсутствующим друзьям / создали лес советов, гаремы режимов / и только один вышел жить»²¹.

Смещенное восприятие насилия, идущего извне и одновременно заключенного внутри, формирует в текстах Рымбу определенный тип субъектно-пространственных отношений. Их можно представить в виде следующей модели: Д(С) – Д(П) – С^п / П^с. Субъект (С) теряет свою целостность под влиянием социально-политического дискурса (Д), который, в свою очередь, расщепляет и дробит пространство (П). В результате субъект начинает функционировать как пространство – С^п, а пространство субъективируется и антропологизируется, функционирует схожим с субъектом образом – П^с. Вариации модели субъектно-пространственных отношений Сп и Пс могут сосуществовать на протяжении одного текста, поскольку в поэтике автора отмечается функционирование двух видов субъекта: субъект-свидетель и субъект-активист. Если субъект-свидетель (Сс) определяет себя как пространственную совокупность, то ему ближе становится пространственное функционирование Сп; активный субъект (Са) в силу более яростного проявления эмоций субъективирует пространство (Пс).

Сборник «Жизнь в пространстве» продолжает осмысление социально-политического дискурса, но характер осмысления становится более дистанцированным, Рымбу перемещается к изображению катастрофического и постапокалиптического состояния общества, в ее тематическом ряду появляются мотивы поиска места субъекта на стыке естественного и постиндустриального, создания утопии «общего» языка, уравнивающего разные социальные слои и политические позиции. Взаимодействие субъекта и пространства в текстах Рымбу продолжает функционировать по заданной в первой книге модели Д(С) – Д(П). У Рымбу силой, нарушающей целостность, является социально-политический дискурс (Д). Субъект не носитель предыдущих исторических травм, а часть социума, представленного в виде социальных слоев, территориальных идентичностей, профессиональных комьюнити. Несмотря на свою разомкнутость, и пространство и субъект испытывают насильственное воздействие дискурса и стремятся заполнить друг друга: «сознание вверчивается в глубину состояния, в стену осоки над / промышленным озером; толкование размещает дом на краю района, / вызывая лифт тела в шахту представления...»²².

Название сборника «Жизнь в пространстве» справедливо оправдывается той тесной связью, которое в текстах выстраивается между пространством и субъектом: «и завод гудит без людей, как раньше / обнимаясь с пространством, а люди текут в изваяниях камер, понятых без пространства»²³. Важным для поэтессы является

²¹ Рымбу Г. Передвижное пространство переворота. М.: Книжное обозрение (АРГО–РИСК), 2014. С. 5.

²² Рымбу Г. Жизнь в пространстве: М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 19.

²³ Там же. С. 21.

понятие синхронизации, которое стоит рассматривать в пространственном ключе. Однако в отношении поэтики автора было бы уместнее говорить о синтопомизации – приведении к одному значению пространства субъективного и пространства объективного, синтез их в едином поле коннотаций: «воображенное поле, и тело, утраченное на границах прерванного / мышления, становится картой застывшей поверхности твоего дыхания»²⁴. Поэтический текст становится способом преодоления ограничений, а пространство становится триггером, провоцирующим смену оптики с гражданско-правовой на субъективно-доверительную.

В разделе **2.4. «Реализация мотива свободы через субъектно-пространственные отношения в поэзии К. Унксовой»** отмечается сходство субъектно-пространственной организации текстов К. Унксовой с поэтикой Г. Рымбу, основанной на транзитивном взаимодействии фрагментированного «подчиненного» субъекта с изоморфным пространством – объектами и местами, испытывающими то же насилие, что и субъект.

В рассматриваемом тексте «Печальный дом» через включение в пространственную локацию эмоционального определения «печальный» субъект наделяет дом инверсивными коннотациями. Субъективность подчеркивается через отстраненность, выраженную статичностью назывного предложения, в котором нет движения, но есть фиксированная топографичность ментального пространства: «Печальный дом / Последние приметы / Печальный день»²⁵. Мотив печали в дальнейшем раскрывается в следующей пространственной локации: «Усталая герла / Зброшенная бродит по проспекту / И голая в искусственном пальто»²⁶. Можно заметить параллель между печалью и усталостью, которая сопровождает лирического субъекта. Статика сменяется динамикой, выраженной через процессуальность глагола «бродит», который соотносится с определением «зброшенная». Субъект Унксовой находится в поиске преодоления сковывающих границ, фиксирует приметы иной жизни, которые также попали под влияние бытовой реальности. В последней части текста вновь возникает образ «печального дня», субъект оказывается в ловушке хронотопической рамки однообразной повторяемости: «Печальный день / И крылышко сверчка / Стрекошет от запечного испуга»²⁷. В конце текста меланхолия сменяется призрачной надеждой на освобождение. «Усталость» замещается «приветливостью», а социально-идеологическое давление преодолевается субъектом через стремление прервать повторяемость рутинных бытовых забот и выйти на уровень абсолютного единения духовного и телесного.

²⁴ Там же. С. 29.

²⁵ Унксова К. Печальный дом // Унксова К. Сочинения: в 6 т. Т. 6. URL: http://kari-unksova.narod.ru/olderfiles/1/tom_6.html#15 (дата обращения: 12.06.2023).

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

Сходство текстов К. Унксовой и Г. Рымбу обуславливается не только революционной интонацией, но и попытками найти гармонизирующее общее, которое сможет освободить субъект и пространство от травматического насилия и станет областью демократического сосуществования субъекта и среды.

В главе 3. «Пространственность как способ организации поэтической субъектности» анализируется поэтика авторов, у которых пространство становится способом конструирования поэтического, а субъект диссоциируется, распадаясь на фигуры и объекты.

В разделе 3.1. «Схематизация масштаба и эпоэтическое пространство Е. Суловой» отмечается, что субъектно-пространственная структура текстов Е. Суловой основывается на деконструкции визуально-театрального как нового способа препарирования лирического. Ее тексты – это попытка представить развернутую перспективу рационального расщепления языка как области перемещений, в которой поиск субъекта не является конечной точкой движения.

Поэтика Е. Суловой во многом основывается на дихотомии телесного и ментального, причем телесное/физическое выступает в качестве медиума, транслирующего «перемещения ума». Через телесность происходит связь с мифическим, архаичным: «Две мысли жизнь дают в праране, / очаг телесного ключа, / повернутый к свободе, навзгляд, как на спор / перечень ума – смотри»²⁸. При этом ментальное неотделимо от физического: «очаг телесного ключа». Этот разрыв, полость, образованная в результате тектонического распада субъекта на чувствующего и мыслящего, становится полем свободного варьирования реальностей, которые уже можно увидеть, но труднее осмыслить и описать.

Субъектно-пространственные отношения в сборнике Евгении Суловой «Свод масштаба» можно представить следующим образом: $S_o - S^n - P_m$. Субъект ощущающий (S_o) разомкнут, представлен в виде частей, несущих в себе семантику физического, он наделяется пространственными функциями (S^n) и реализуется как совокупность пространств, чтобы таким образом осуществлять взаимодействие с рациональным субъектом мыслящим, который также функционирует как пространство (P_m): «И пуля не, но обволакивает: / распростерт не огонь, а / ожог. / При затылке на скорость узость тени: / наличное все же не достигает / обруча темени»²⁹.

Субъектно-пространственные отношения в книге «Животное» во многом являются продолжением связей, заявленных автором в «Своде масштаба». Однако если в первой книге язык выполнял функцию визуального выразителя мыслительных процессов, «пересобирался» как механизм, то «Животное» больше сфокусировано на зрительно-прагматических ощущениях, которые

²⁸ Сулова Е. Свод масштаба. СПб.: Транслит, 2013. С. 8.

²⁹ Сулова Е. Свод масштаба. СПб.: Транслит, 2013. С. 9.

возникают не непосредственно от текста, а от операций, выраженных со- или рас-средоточением пространственных модусов в пределах авторского высказывания.

Субъектно-пространственную модель книги можно представить так: $P_m \rightarrow (c) \Phi(O)$. Мыслящее пространство (P_m) динамическим образом «выращивает», конструирует фигуры значения, через которые происходит выражение субъективного (Φ^c). Но, однако, следует оговориться, что и в «Своде масштаба», и в «Животном» субъект не целостная категория, а распределенное мерцание, которое выражается через пространственное функционирование. Субъективное заключается в интенции формирования новых объектов, в пространственном перемещении по ментальному полю:

Речь идет о предельном совпадении. Так могут совпадать окна и насквозь смотрящие, конфигурации, врезанные в мир прямо из глаз живого, формы, предназначенные для разрушения порядков холостой работы. Это как идти и вдруг беспричинно остановиться, будучи ослепленным предстоящим смертоносным падением – при мысли, что сошелся по резьбе со своим умом. Практика выращивания невозможных для зрения и слуха тел. Дистанция как техника соединения оптического тепла³⁰.

Евгения Сулова рассматривает современного субъекта текста, который, находясь в поле информационных потоков, существует в большинстве своем не в физическом, а в цифровом формате. Лишь путем осмысления происходит связь с новым пространством, и эту связь автор иллюстрирует через совмещение нескольких планов выражения.

В разделе **3.2. «“Абсолютизация” пространства в поэзии Г. Айги»** отмечается, что для автора ключевым является пространство «абсолюта». Его можно обозначить как «вечное» или онтологическое.

В стихотворении «Поля этого лета» представлена супрематическая модель субъектно-пространственных отношений. В самом начале стихотворения присутствует спайка пространства и времени, однако стоит оговориться об условной «конкретности», поскольку границы субъектного существования не определены. «Здесь» хоть и связано с субъектом, но размыто и рассредоточено, место, которое может быть где угодно и когда угодно. Мотив ухода, растворения и исчезновения наблюдается на протяжении всего текста. Субъект переходит из состояния действующего в отстраненное, которое не имеет вещественных проявлений. Ментальное пространство получает топографические характеристики: «то – спотыкаясь душевной неровностью / будишь в травах – как в памяти / чью-то ушедшесть...»³¹. Переход субъекта-действующего к позиции субъекта-наблюдателя проявляется в тексте путем смены топографической характеристики. Неопределенное «здесь» сменяется приобретшим онтологический оттенок «далеко», а уход, реализуемый метафорой

³⁰ Сулова Е. Животное. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2016. С. 45.

³¹ Сулова Е. Животное. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2016. С. 45.

«народопрощанья», переходит в важный для Айги концепт «родины», больше соотносящийся с рождением.

Можно говорить о том, что и в поэтике Е. Суловой, и в поэтике Г. Айги субъектное рассматривается с двух позиций: чувственной/физиологической и когнитивной (в интерпретации Суловой) / метафизической (в понимании Айги). Субъект чувственный расщепляется, чтобы стать пространством и освободиться от телесности как от сдерживающего фактора.

В разделе **3.3. «Концепт “узла” и когнитивная топология в поэзии Н. Сафонова»** отмечается, что пространства для Сафонова важны не как отдельные типы или структуры, а как собственно значимые элементы бытия и языковой реальности. Субъект текста занимает дистанцированную позицию, он не различает себя отдельно от пространств, видимых / воображаемых. Предельная герметичность, разворачивающаяся посредством геометрической проекции, дает возможность субъекту проявляться в точке соотнесения видимого и представляемого.

Модель отношений между субъектом и пространством, реализуемую в сборнике «Узлы», можно представить следующим образом: P^c – УП. Пространство через физиологические операторы (P^c) реализует возможности конструирования объектов, плоскостей и территорий, которые сходятся в пространственные узлы (УП) – воображаемый объект сворачивания различных стон когнитивного, физического, языкового, его можно рассматривать как «идею пространства» – не координаты объектов, наполненных семантикой, значением, а пространства без связи – пространства как прием.

Я пытаюсь распознать в ускользании сам процесс растворяющегося голоса, растворенного в звуке, на самом деле – падающего в предел отсутствия точки на карте знаков, распределенных в случайном, как может казаться, порядке, не указывающих, но ясных, отосланных³².

В книге стихов «Разворот полем симметрии» модель отношений между концептами можно представить как C_n – P_c . Субъект функционирует автоматически, как линза фотоаппарата, – фиксирует пространственные скольжения, повороты, сдвиги, но остается при этом безучастным механизмом. Пространство же не функционирует схожим с субъектом образом, но сохраняет в динамических смещениях субъективное как опыт, след взаимодействия когнитивного и чувственного: «Где находилась цитата, которую только что можно было / поставить на место другого, на плоскость предмета? В похожем / запрете на взгляд в сторону стен, определяющих зону решения / света, будет необходимо различие между первым и крайним / сомнением, расположенным между первым и крайним, / граничным изображением того, что могло быть сюжетом, но / не местом, в котором выписаны кривые условий...»³³. В сборнике мы можем наблюдать еще один вариант субъектно-пространственных

³² Сафонов Н. Узлы. СПб.: Транслит, 2013. С. 26.

³³ Сафонов Н. Разворот полем симметрии. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 18.

отношений: П/О^с – П^а. Пространство распределяется по объектам, обладающим субъектной семантикой (П/О^с), и постепенно вытесняет субъектное, чтобы таким образом редуцировать его как элемент отношений и абсолютизироваться (П^а), становясь способом мышления. Посредством объектов с субъектной семантикой создается партитура пространственных движений мысли.

Тело, распутывая отношение, соотнесенность с изображенным в названии (нечто, что изображено в этой пропасти, в трещине между фиксацией времени, помещенным внутрь, в самую сердцевину, человеческим, если мы могли бы так говорить, смыслом для смотрящего на это окончательное (за)данное и попыткой переопределить действительность события...³⁴.

Пространство недосказанности провоцирует преобразование языкового материала в пределах собственных границ, выход поэтического за рамки возможных интерпретаций: «ты вписываешь с одной стороны молчащую фигуру с оторванным языком, с другой – дыру в надписи, растворяющей ожидание блокнота»³⁵. Работая с абсолютными пространствами, Сафонов пробует расширить семантическое поле путем стирания предыдущих путей чтения. В процессе подобных взаимодействий остается просвет – область потенциального.

В разделе 3.4. «**“Бытие-вместе” и распределенный субъект в текстах М. Еремина 2010-х годов**» анализируются тексты автора 2010-х годов с точки зрения их субъектно-пространственного устройства. Отказ от «насущности» побуждает субъекта соединиться с пространством по принципу неразличения, отказаться от выстраивания границ между собой и окружающим миром, поскольку любая идея границы нереализуема.

Невыраженное субъективное у Еремина – это «отсутствие» формальное, но не семантическое. Субъект присутствует во всех объектах мира, распространяется по его мельчайшим деталям. Для Еремина пространственность – это не замещение субъективного пространственным, а совпадение форм существования. Распространенное присутствие позволяет субъекту замечать малейшие колебания реальности, резонировать с ними: «Охватными порывами и дуновениями / Перебираемые иверные струны / Звучат (Не воплощенье замысла и не импровизация.) / Не для того, кому случилось / Услышать / Ни для кого»³⁶.

Существование субъекта и пространства можно определить как «бытие-вместе». Повсеместность и дистанцированность позиции субъекта определяется свойствами пространства, которое существует рядом с субъектом, но сохраняет герметичность: «Не быть ли замиренным наблюдателем / И зорь, и бурь? (Не аллергенны / Ни белая акация, / Ни красные гвоздики.) Или быть /

³⁴ Там же. С. 36.

³⁵ Там же. С. 57.

³⁶ Еремин М. Стихотворения. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 246.

Участником, чье мировидение оснащено / От наноскопа / До оптики прицела? Или / Не быть?»³⁷.

Исследуемые и отраженные пространства в поэтике Еремина 2010-х годов разнообразны, однако их объединяет, верно подмеченная К. Корчагиным, насыщенность объектами-следами, которые рассматриваются как уже самодостаточный элемент, который должен быть описан и зафиксирован. По Еремину, принять несовершенство вещи – это принять саму вещь, а не мысли и суждения, которые делают знание о ней максимально далеким от истинного.

Таким образом, субъектно-пространственная организация текстов М. Еремина 2010-х годов ближе всего к формуле Сп–Пс, представленной в творчестве Н. Сафонова. Но если у Сафонова субъект – это функция, возможность через физиологические операторы фиксировать пространственные метаморфозы, то у Еремина отстраненность субъекта сознательная, это дистанция, обеспечивающая поле потенциальной и свободной реализации значений объектов и мест.

В **Заключении** диссертации подводятся итоги проделанной работы, которые легли в основу положений, выносимых на защиту, а также намечаются перспективы дальнейшего изучения своеобразия субъектно-пространственных отношений в инновативной русской поэзии.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в журналах, включённых в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК

Журналы категории К1, К2

1. Андреева Е.Е. Влияние супрематических идей К. Малевича на поэтические концепции пространства в творчестве Г. Айги 1960–1980-х годов // Летняя школа по русской литературе. 2017. Т. 13. № 3. С. 289–296 (0,4 п.л.).

2. Андреева Е.Е. Функционирование субъектно-пространственных моделей в книге стихов К. Корчагина «Все вещи мира» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 7–17 (0,8 п.л.).

3. Андреева Е.Е. Классификация субъектно-пространственных моделей современной инновативной поэзии: варианты и функциональные характеристики // Вестник Костромского государственного университета. 2023 Т. 29. № 4. С. 125–132 (0,8 п.л.).

³⁷ Там же. С. 294.

4. Андреева Е.Е. «Бытие-вместе и распределенный субъект в текстах М. Еремина 2010-х годов» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 3. С. 16–23 (0,5 п.л.).

Журнал категории КЗ

5. Андреева Е.Е. Типы и модели субъектно-пространственных отношений в современной инновативной поэзии // Филологос. 2023. Вып. 1 (56). С. 13–20 (0,7 п.л.).

Главы в монографиях

6. Андреева Е.Е. Субъектно-пространственная организация поэмы И. Бродского «Зофья» // Профессия: литератор. Год рождения: 1940: Коллективная монография. Елец, 2021. С. 28–34 (0,5 п.л.).

7. Андреева Е.Е. Реализация супрематической модели субъектно-пространственных отношений в стихотворении Геннадия Айги «Поля этого лета» // Феномен «последнего стихотворения»: теория и практика исследования: Коллективная рафия. Елец, 2022. С. 149–159 (0,6 п.л.).

8. Андреева Е.Е. Реализация мотива свободы через субъектно-пространственные отношения в стихотворении К. Унковой «Печальный дом» // Профессия: литератор. Год рождения: 1941: Коллективная монография. Елец, 2022. С. 85–94 (0,6 п.л.).

Научные статьи, опубликованные в других изданиях

9. Андреева Е.Е. Интерпретация телесных мотивов в поэзии Е. Суловой: метафора «Грудной клетки» // Всероссийский студенческий конвент «Инновация»: Сборник материалов. Иваново, 2016. С. 10–14 (0,3 п.л.).

10. Андреева Е.Е. Книга стихов как форма поэтического мышления в современной поэзии (книги серии «Kraft») // Молодая наука в классическом университете: тезисы докладов научных конференций фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых: в 7 ч. Иваново: ИвГУ, 2016. Ч. 6. С. 79 (0,1 п.л.).

11. Андреева Е.Е. Поэтические модели пространства в творчестве Геннадия Айги 1960–80-х годов // Молодая наука в классическом университете: тезисы докладов научных конференций фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых: в 7 ч. Иваново: ИвГУ, 2017. Ч. 6. С. 85–86 (0,1 п.л.).

12. Андреева Е.Е. Поэтические модели пространства в творчестве Евгении Суловой // Молодая наука в классическом университете: тезисы докладов научных конференций фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых, Иваново, 16–20 апреля 2018 г.: в 7 ч. Иваново: ИвГУ, 2018. Ч. 6. С. 90 (0,1 п.л.).

13. Андреева Е.Е. Экопоэтическое понимание концепта «пространство» в сборнике Е. Суловой «Животное» // Неутомимые странники: сборник научных статей к 80-летию юбилею докторов филологических наук, профессоров

Костромского государственного университета Ю.В. Лебедева и В.В. Тихомирова. Кострома, 2020. С. 114–119 (0,5 п.л.).

14. Андреева Е.Е. Особенности реализации субъектно-пространственных моделей в цикле «Жизнь в пространстве» Г. Рымбу // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 7–12 (0,5 п.л.).

15. Андреева Е.Е. Субъектно-пространственная организация сборника Никиты Сафонова «Узлы» // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: традиции и инновации: Материалы Международного научно-практического фестиваля. Иваново, 2020. С. 543–546 (0,3 п.л.).

16. Андреева Е.Е. Реализация идейно-феноменологического пространства в поэтическом сборнике Н. Сафонова «Разворот полем симметрии» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 5–12 (0,5 п.л.).

17. Андреева Е.Е. Субъектно-пространственная организация сборника К. Корчагина «Все вещи мира» // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете – 2021. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. С. 320 (0,1 п.л.).

18. Андреева Е.Е. Особенности субъектно-пространственных отношений в современной инновативной русской поэзии // Трансформация реальности: стратегии и практики: материалы международной конференции. Екатеринбург, 2021. С. 452–453 (0,1 п.л.).

19. Андреева Е.Е. Субъектно-пространственные модели в инновативной поэзии: принципы выявления и типология // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете – 2023. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2023. С. 344 (0,1 п.л.).